

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Оригинальная статья/ Original article

УДК 343

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.7-19>

Методологические основы определения родовидового соотношения понятий социальной, юридической и уголовно-правовой ответственности

Л.Р. Сафин, И.А. Тарханов ✉

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

✉ itarhanov@mail.ru

Аннотация

В гуманитарных науках ответственность признается сложным социальным феноменом, поэтому она подвергается анализу с методологических позиций и на основе отдельных доктринальных концепций, включая родовидовое соотношение социальной, юридической и уголовно-правовой ответственности. Критической оценке подвергается идея обособления позитивного и негативного видов юридической ответственности. Юридическая и уголовно-правовая ответственность реализуются в условиях конфликтного отношения, развивающегося в связи с отрицательным отношением субъекта к общезначимым интересам, выраженным им в совершении, соответственно, правонарушения или преступного акта. Уголовно-правовая ответственность рассматривается как сочетание юридических последствий совершения лицом самого преступного деяния и постпреступного уголовного правонарушения.

Ключевые слова: методология, философские законы и категории, социальная ответственность, юридическая ответственность, уголовно-правовая ответственность, родовидовое соотношение понятий

Для цитирования: Сафин Л.Р., Тарханов И.А. Методологические основы определения родовидового соотношения понятий социальной, юридической и уголовно-правовой ответственности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 3. С. 7–19. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.7-19>.

Methodological principles of establishing the genus–species relationship among the concepts of social, legal, and criminal liabilities

L.R. Safin, I.A. Tarhanov ✉

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉ itarhanov@mail.ru

Abstract

From the perspective of the humanities, liability emerges as a complex social phenomenon and is therefore analyzed using the methods and principles of individual doctrinal concepts, including the genus–species relationship among social, legal, and criminal liabilities. The idea of distinguishing between the positive and negative types of legal liability is critically evaluated. Legal and criminal liabilities arise in conflictual settings caused by a person's negative attitude to public interests, which leads to the commission of an offense or a criminal act. The scope of criminal liability involves a combination of legal consequences for both the criminal act itself and any subsequent post-offense criminal conduct.

Keywords: methodology, philosophical laws and categories, social liability, legal liability, criminal liability, genus–species relationship

For citation: Safin L.R., Tarhanov I.A. Methodological principles of establishing the genus–species relationship among the concepts of social, legal, and criminal liabilities. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 3, pp. 7–19. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.7-19>. (In Russian)

Введение

В научных источниках принято считать, что исследование вопросов ответственности в отраслевой доктрине приобретает особую методологическую силу, когда опирается на философское и общесоциальное ее понимание. «Философские категории, – пишет Д.А. Керимов, – ... привносят в каждую конкретную науку методологические знания всех наук в их синтезированном виде и тем самым умножают познавательные возможности науки как в целом, так и отдельной ее отрасли» [1, с. 23]. Представляется очевидным, что сам процесс познания юридических аспектов общего понятия ответственности не может осуществляться в полном отрыве от совокупности идей и подходов, оценок и выводов, которые имеют фундаментальное значение. Поэтому в юридической литературе превалирует мнение, что социальные явления и процессы, отличающиеся сложностью и многообразием, не могут быть правильно поняты и оценены без должной методологической опоры, ядро которой составляют философские категории и понятия, формально-логические законы, определенные логические принципы и правила.

В философии феномен ответственности исследуется с учетом многозначности самого употребляемого термина и различий в уровне обобщения заключенного в нем понятия, а также в рамках определенного понятийного ряда. Последний рассматривается в науке обычно как логически или тематически связанное множество понятий, среди которых выделяется общее. Большое значение придается установлению родовидового¹ соотношения, поскольку не любое общее понятие может быть признано родовым в каждом данном от-

¹ Слитное написание данного термина традиционно принято в юридической литературе (см. труды Н.В. Оглезнева, В.А. Суровцева, В.В. Попова, М.В. Батюшкиной и др.). – Прим. ред.

ношении. Эти положения имеют существенное значение для характеристики соотношения понятий «социальная ответственность» и «юридическая ответственность».

В правовых исследованиях эта проблема признается актуальной, но решается неоднозначно. В современной доктрине отсутствует единство в подходах к определению общего понятия, которое может быть представлено в качестве родового в рассматриваемом отношении, а также о содержании конкретных признаков (свойств) этого общего, которые должны быть свойственны соответствующим видовым понятиям ответственности. Решение названных вопросов приобретает методологическую значимость в силу их влияния на определение природы юридической и уголовно-правовой ответственности, форм их реализации и видов.

Феномен ответственности в философии наделяется множеством смысловых характеристик, поэтому чаще всего рассматривается как интегративная категория, достигающая высокой степени абстракции, хотя иногда представляется как собирательное понятие, понимаемое как целое, образуемое взаимосвязью универсальных (однородных) элементов (всеобщие моменты, определяющие те или иные аспекты ответственности, и конкретные формы их взаимосвязей) [2, с. 433]. При этом каждое из названных ранее видов научных понятий имеет собственное функциональное назначение и призвано отразить определенную его смысловую характеристику.

Методологические подходы к определению родовидовых понятий

В философии социальная ответственность обычно определяется как этическая либо этико-правовая категория, которая отражает особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, выражающееся в выполнении ею своего нравственного долга, правовых норм и «обнимает философско-социологическую проблему соотношения способности и возможности человека выступать в качестве субъекта (автора) своих действий и более конкретные выводы...»². Важно подчеркнуть, что *интегративные* определения ответственности, составляя предмет самой философской науки, выполняют важную функцию для отраслевых исследований, выступают как их методологическая основа. Вместе с тем понятия такого высокого уровня обобщения и абстракции вряд ли могут непосредственно использоваться в качестве начальных (исходных) даже при решении методологически значимого вопроса о родовидовом соотношении понятий социальной, юридической и уголовно-правовой ответственности. Такого рода философские категории и понятия подлежат определенной степени конкретизации, выявлению в них тех характерных черт, которые определяются предметом и спецификой конкретно проводимого научного исследования. Нельзя не согласиться с известным исследователем философии права Д.А. Керимовым, который особо подчеркивает, что ни один из общенаучных подходов не имеет методологического значения вне предмета той науки, к которой он применяется или должен применяться, поскольку необходима еще его «переплавка», «приспособление к логике познаваемого объекта», позволяющее «проникнуть в специфику исследуемых объектов» [1, с. 55].

Собирательные понятия также играют важную роль в познании конкретных аспектов отдельного объекта исследования, в особенности когда необходимо его отнесение к некоторой совокупности однородных составляющих, но исходя из вполне определенных критериев. Так, в словарях русского языка под *ответственностью* обычно принято понимать «необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным

² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Изд-во полит. лит.-ры. 1981. С. 267.

за них», а *ответственным* считается человек, «имеющий высокоразвитое чувство долга, ревниво относящийся к своим обязанностям»³. Подобное обилие смысловых характеристик ответственности в целом соответствует такому ее общему собирательному понятию. Оно позволяет некоторым исследователям утверждать, например, что ответственность в самом широком ее понимании – «это одновременно и чувство, и сознание, и общественная связь, и стимул, и санкция» [3, с. 52]. Данные оттенки характеристики составляют спектр разнородных, разноплановых значений, совокупность которых не образует того единства, которое требуется для содержания родового понятия. Собирательные понятия имеют иное предназначение.

Столь пристальное внимание к установлению именно родовидового соотношения названных ранее понятий ответственности в юридической науке во многом обусловлено различием подходов к характеристике методологически оправданного положения о том, что род представляет собой *нечто общее* в предметах, составляющих его *виды*. Дискуссионным является вопрос о содержании этого некоторого общего, поскольку в теории одни авторы полагают, что родовым по отношению к конкретным видам ответственности выступает понятие социальной ответственности, а другие – общее понятие «ответственность».

Определение родовых понятий в правовой доктрине

Наиболее распространенной в правовой доктрине следует считать научную позицию, в соответствии с которой родовым по отношению к юридической (а также уголовно-правовой) ответственности является понятие «социальная ответственность». Это положение служит основой для дальнейших суждений, имеющих большое значение для характеристики юридической ответственности. Утверждается, в частности, что социальная ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольную и принудительную [4, с. 22]. «Таким образом, – пишет Д.А. Липинский, – если мы определяем добровольную (позитивную) и принудительную (негативную) формы реализации ответственности в общесоциологическом понятии, то эти формы обязательно, согласно правилам логики, должны быть и у видовых понятий ответственности» [5, с. 8].

Такое решение и определяемые им виды получили определенную поддержку в научных источниках и учебной литературе, поскольку обосновывались методологическими рассуждениями о соотношении философских понятий «род – вид», а также стремлением избежать упреков философов и социологов в односторонней, неоправданно одномерной характеристике юридической (а в том числе и уголовно-правовой) ответственности без учета ее социальных составляющих. Так, Б.В. Сидоров пришел к убеждению, что уголовная ответственность обладает всеми необходимыми свойствами (признаками) «юридической ответственности, сохраняя при этом «субстанциональную сущность и основные характеристики ответственности как социальной категории» [6, с. 163–164]. Исходя из этого, автор полагает, что уголовная ответственность «имеет полярные разновидности – негативную и позитивную» [6, с. 170].

Однако в доктрине эта концепция не стала общепризнанной. По мнению многих криминалистов, выделение в уголовной ответственности позитивной и негативной ее разновидностей не имеет под собой достаточных оснований по целому ряду причин. Н.А. Бабий достаточно категорически утверждает, что позитивной ответственности за преступление или позитивной уголовной ответственности «не может быть ... в принци-

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1988. С. 377.

пе» и задается в связи с этим вопросом: «А является ли в действительности выработанная в социологии социальная ответственность родовым понятием, охватывающим собой юридическую и прочие виды ответственности?» [7, с. 38]. Судя по содержанию проведенного автором исследования, он не склоняется к положительному ответу на поставленный вопрос и предлагает иное его решение. «Понятия «социальная ответственность» и «юридическая ответственность», – пишет Н.А. Бабий, – соотносятся между собой как два самостоятельных вида данного родового понятия, каковым выступает собственно понятие «ответственность». Из этого следует, что не юридическая ответственность содержит в себе все черты социальной ответственности, а и юридическая, и социальная ответственность, во-первых, имеют единые сходные черты, содержащиеся в понятии «ответственность», что обеспечивает их общность и принадлежность к одному и тому же роду и, во-вторых, имеют свои особенные черты, предопределяющие видообразование или их принадлежность различным видам» [7, с. 40].

Следовательно, в литературе не существует единого понимания родовидового соотношения названных ранее понятий, что вызывает необходимость критического анализа концепций, посвященных выделению родового понятия, являющегося исходным для характеристики действительной природы юридической и уголовно-правовой ответственности.

Характеристика родового понятия социальной ответственности в искомом соотношении

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что понятие «социальная ответственность» имеет определенные качества (черты) для того, чтобы рассматриваться как родовое в рассматриваемом соотношении. Однако его подлинное содержание требует определения, поскольку сам термин «социальная» и обозначаемые им явления допускают различное истолкование и могут быть рассмотрены в самом широком и более узком значении, что имеет место, в частности, в экономической литературе. Однако на это обстоятельство не всегда обращается должное внимание в правовой доктрине.

Очевидно, следует начинать с того, что само явление «ответственность» социально по *своей природе*. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением, что «любая ответственность может существовать только в социуме и потому априори является социальной» [7, с. 41]. Судя по многим методологическим источникам, проблема ответственности возникает и существует только в связи с наличием выявленных и отстаиваемых социумом некоторых *установлений*, предъявляемых для исполнения и реализации отдельным индивидам, их группам или структурным объединениям, а также социальным институтам. Значительная часть такого рода установлений может носить характер требований, притом что они заключены в содержании социальных норм.

Однако самому понятию «социальное» может придаваться различное значение, при этом наиболее объемным представляется понятие, заключенное в термине «общесоциальное». Он включает в себе всю *совокупность* социальных характеристик того явления, которое относится к типу, признаваемому в качестве социального, и отражает его природу и сущность. Одним из источников возникновения общесоциальной ответственности могут быть различные по характеру социальные установления, включая социальные требования, с которыми связываются возникновение и существование социальной *обязанности* индивида или их сообществ. Установления *иного* социального свойства способны породить такие особые качества индивидов, как *долг*, т. е. категорию этического порядка, отличающуюся по некоторым признакам от социальной обязанности.

В специальной литературе нередко выдвигается иная концепция социальной ответственности, которая предполагает использование понятия «социальное» в более узком его значении. В связи с этим допускается возможность использования данного термина в значении ответственности за решение каких-либо проблем, непосредственно не связанных с исполнением социальной обязанности индивида. Чаще всего речь идет, к примеру, о добровольной реализации бизнесом тех социальных функций, которые не связаны непосредственно с выполнением обязательных для него требований (например, взятие на себя дополнительных социально значимых обязательств, благотворительность и др.) [8, с. 242]. «Такого рода социальная ответственность, как проявление нравственного отношения к человеку, – пишет Н.А. Бабий, – является призывом к бизнесу нести благо обществу за счет внеправового пожертвования части своего капитала». Однако нельзя согласиться с ученым в том, что именно в этом заключается «социологическое понимание ответственности». Такое (узкое) представление о сущности социальной ответственности только как об акте альтруизма, добровольного отклика на актуальные социальные проблемы, которые лежат вне требований, определяемых законом, присуще и ряду других исследователей⁴, включая зарубежных авторов, которые социальную ответственность рассматривают именно как выражение добровольного альтруизма и отклика на общественные нужды вне установленных государством требований [9, с. 4; 10, с. 2, 6]. На этой основе предпринимается попытка отличать социальную ответственность от юридической, рассматривая их как два самостоятельных вида ответственности, что не представляется обоснованным решением проблемы родовидового соотношения указанных понятий. Социальная ответственность индивида (их организованных или неорганизованных групп) в рассмотренном узком ее значении может проявлять себя только как разновидность ответственности в ее общесоциальном (социологическом) понимании.

В методологическом и более предметном отношении представляется неоправданным отождествление разных видов общесоциальной ответственности без учета специфики источников их возникновения, основания и характера последствий. Не всякий вид общесоциальной ответственности бизнеса непосредственно связывается именно с нарушением социальных норм, т.е. заключенных в них требований. Соответственно, не всегда возникает «необходимость отвечать» за содеянное. Такой вид социальной ответственности связывается с наличием социальной обязанности, требованием должного, обязательного поведения. Однако социальная ответственность в ином ее понимании лежит *вне рамок требований*, опирается на иные социальные установления, предполагающие добровольную, инициативную их реализацию. Следовательно, она не связана с юридической ответственностью бизнеса за причинение им вреда.

Эти обстоятельства необходимо учитывать при определении социальной ответственности в качестве родового понятия в искомом соотношении с юридической и уголовно-правовой видами ответственности. Важно также подчеркнуть, что применительно к данному соотношению родовое понятие социальной ответственности должно отражать его связь с философским и общесоциологическим пониманием категории «ответственность», но при этом не быть интегративным или собирательным. Следовательно, родовое понятие в рамках родовидового соотношения призвано не только заключать в себе общие, сущностные черты

⁴ Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М.: Альфа-М, 2005. С. 27.

охватываемого в нем явления, но в силу подчиняющего его характера оно должно быть основой для выделения видовых понятий.

В определенном понимании социальная ответственность представляет собой реакцию *индивида* на предъявляемые в социальной норме общезначимые установления. В этом аспекте представляет интерес теоретическая концепция, согласно которой общесоциальная ответственность предлагается к рассмотрению как *единство*, сочетающее в себе индивидуальную и общественную *реакции* на соответствующие установления, рассматриваемые как факторы внешнего порядка. Так, по мнению А.Ф. Плахотного, социальная ответственность объединяет две ее формы: ответственность как реакция (система ответов) *общества* на *поведение* индивида и ответственность как реакция (система ответов) *личности* на *требования*, предъявляемые к его поведению социумом [См.: 11, с. 46].

В рамках предлагаемого подхода подчеркивается не только этимологический аспект общей категории «ответственность». Важно обратить внимание и на то, что посредством термина «социальная реакция» фактически обозначается *отношение* названных ранее субъектов к социально значимым *интересам* в рамках их взаимодействия и взаимозависимости, но с учетом различий в их существующем социальном статусе. Обозначаются также и объекты соответствующих отношений: это изложенные в социальной норме установления. В них гармонизированы общезначимый и частный интересы и поведение индивида, выражающее его отношение к общезначимым интересам. Это позволяет, на наш взгляд, выделить в характеристике общесоциальной ответственности её *объективную* и *субъективную* стороны, на что обращается внимание в философских источниках, а также в социологической и юридической литературе.

При этом представляется необходимым отметить, что не все их компоненты, включаемые обычно в философскую характеристику социальной ответственности, подлежат, на наш взгляд, включению в её характеристику как родового понятия и его действительное содержание. Некоторые из них составляют объективную или субъективную *предпосылки* возникновения и существования самой ответственности. На это обстоятельство также обращается внимание в юридической литературе. «С объективной стороны, – пишут Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, – социальная ответственность отражает природу общества и человека. Её возникновение возможно при условии предварительного предъявления к поведению людей определенных требований, закрепленных в социальных нормах» [4, с. 16]. Это положение заслуживает внимания, поскольку представляется важным. Однако следует подчеркнуть, что социальные нормы содержат не только требования (обязывание должного поведения), но и иные установления (дозволения, модели поощряемого поведения). Причем применительно к данному положению не это составляет главное уточнение. Уважаемые авторы допускают, на наш взгляд, противоречие, понимая под социальной ответственностью «обязанность субъектов общественного отношения соблюдать требования социальных норм...». Названная обязанность составляет элемент социального статуса индивида, т.е. также выступает, по нашему мнению, как *предпосылка* социальной ответственности. В этом же качестве надлежит рассматривать категорию «долг», имеющую определенные черты сходства с обязанностью, но отличающуюся от последней этической природой.

Предлагаемые решения вопроса о сущности и содержании социальной ответственности в доктрине следует признать не только дискуссионными, но и содержащими ряд противоречий. Так, некоторыми учеными предлагается концепция существования так называемой «статутной ответственности». Она определяется нередко как «целостное пра-

вовое явление» и считается первичным основным структурным элементом юридической ответственности, которая «находится в статическом состоянии». Сторонники такого подхода к её характеристике склонны полагать, что установление такой ответственности в законе «имеет место до факта правомерного или противоправного поведения, до его оценки как ответственного или безответственного». По отношению к ней «все субъекты права и участники правоотношений находятся в одинаковом правовом положении (состоянии ответственности)» [4, с. 22, с. 39–43].

Эта научная позиция концептуально совпадает с оценкой другими авторами природы социальной ответственности. «Еще не совершив поступка, – пишет, к примеру, И.А. Ильин, – человек уже знает о своей ответственности». Трудно возразить, что само существование социальной нормы, взятое в совокупности её велений, создает предпосылки презумпции знания индивидом последствий асоциального поведения. Это вряд ли стоит оспаривать. Однако ученый рассматривает такое «знание» как «предварительную ответственность», характеризуя её как «живое чувство предстояния и призванности» [13, с. 25]. Возможно такое «чувство» у части адресатов социальной нормы действительно возникает как «живое», однако оно не может быть расценено как реальное, предметное отношение к социально значимым интересам, выраженным в социальной норме. Ментальная сфера личности мало поддается оценке, не будучи выражена в поведении.

Следует подчеркнуть, что для характеристики субъективной стороны понятия социальной ответственности в философской, социологической и психологической литературе традиционными являются указания на такие компоненты ее содержания, как волевая способность субъекта или его способность к восприятию социально значимого интереса, определенное состояние, социальный статус, качество личности, переживаемые ею чувства и др. Такой подход отражает специфику предмета данных наук, их нацеленность на фундаментальность представлений и всеобщность оценок. Однако в структурном плане, по нашему мнению, интеллектуальные, волевые и иные способности и качества адресата социальной нормы следует рассматривать не в общей композиции, а как *предпосылку* (предварительное условие) существования его социальной ответственности как феномена. Будучи особым, присущим индивиду качественным состоянием, его социальная ответственность реализуется в *позитивном* отношении к установлениям социальной нормы, т.е. выраженным в их содержании социально значимым интересам. На определенном этапе такое отношение может и не получить должной реализации. Иногда такое состояние социальной ответственности индивида называют *ментальным*. Её формирование действительно происходит под влиянием многих социальных факторов, которые в философской, социологической и психологической литературе исследуются комплексно, во взаимосвязи.

Социальная практика свидетельствует о фактах *негативного отношения* некоторой части социума к велениям социальной нормы даже при наличии у ее адресатов способностей к адекватному их восприятию. Оно означает *отсутствие* у них особого качества, понимаемого в доктрине как социальная ответственность, нередко в бытовом контексте говорят о «безответственности» того или иного лица.

Важно подчеркнуть, что как позитивное, так и негативное отношение индивида к велениям социальной нормы, оставаясь при этом в сфере его ментальности и будучи элементом его собственного внутреннего мироощущения, неподвластно социальному восприятию и мерам внешнего общественного воздействия. Характерно, что задолго до известного высказывания К. Маркса по этому вопросу юрист и профессор Казанского императорского

университета Гавриил Ильич Солнцев небезосновательно утверждал, что «замыслы на зло, не открытые и в действо не произведенные, не могут подлежать преследованию законов юридических, ... подлежат суду Божию...» [13, с. 118]. Для соответствующей социальной оценки действительное отношение индивида к норме должно себя проявлять.

Позитивное отношение индивида к установлениям социальной нормы по общему правилу проявляется в *добровольном* следовании её положениям. Такой тип поведения выступает как *реализация его* социальной ответственности. Здесь уместно заметить также, что по своему характеру, форме и аксиологическим качествам оно может считаться *позитивным*. Следовательно, позитивным следует полагать *реализуемое* отношение субъекта к общезначимым интересам, заключенным в содержании социальной нормы. При этом имеющаяся у индивида в наличии социальная ответственность, как качество, не может быть негативным по определению. Следовательно, подразделение такой социальной ответственности на позитивную и негативную лишено достаточных оснований.

Формы реализации существующей социальной ответственности индивида во многом определяются характером и содержанием конкретных установлений социальной нормы. Это может быть *требование* должного поведения, *дозволение* избрать определенный тип социально значимого поведения либо *призыв* к социально поощряемому поведению. Поэтому употребляемое нами понятие «установление» шире по объему, чем «требование», а имеющая место социальная ответственность индивида может быть реализована им не только в должном, но также в дозволенном или социально поощряемом поведении.

Избранный индивидом добровольный характер следования названным ранее установлениям социальной нормы обычно не вызывает необходимости вмешательства общества (социума) в процесс реализации «персональной» социальной ответственности. Исключения составляют только случаи присуждения социальной награды как ответной реакции общества на поощряемое поведение.

В самих социальных установлениях, предъявляемых индивиду социумом, должны получать адекватное отражение как общезначимые, так и частные интересы. Их гармоничное сочетание в содержании социальной нормы составляет предмет *ответственности общества* перед людьми и важную предпосылку возникновения социальной ответственности индивида перед обществом как определенного его качества. В этом проявляются отношения взаимодействия и взаимозависимости общества и индивида, которые призваны исключать конфликт их интересов. При его возникновении субъекты отношения ответственности становятся противоположными, противостоящими друг другу сторонами, что требует урегулирования сложившихся отношений.

Негативное отношение конкретного лица к отраженным в социальной норме общезначимым интересам свидетельствует о полном или частичном *отсутствии* у него социальной ответственности. При вступлении индивида в публичное пространство это проявляется нередко в отклоняющемся от требований социальной нормы деструктивном поведении. При этом важно учитывать, что оно подлежит рассмотрению как «безответственное» только в этом смысле, поскольку *ответная*, негативная по отношению к деятелю *реакция социума* должна последовать. Ее негативные черты объективизируются, в частности, не только в публичном осуждении, но также в возложении на лицо социальных обременений. Оно сталкивается с необходимостью *отвечать за содеянное*. В этом ее значении, будучи ответной реакцией социума на безответственное отношение лица к общественным интересам,

социальная ответственность индивида имеет иную природу, понимается как фактор *внешнего* порядка, средство принудительного воздействия.

Следовательно, социальная ответственность *индивида* не может рассматриваться только в одной системе координат. Это разнородные социальные феномены, отличающиеся по своей природе, формам существования и их проявлениям, поэтому не представляют, на наш взгляд, целостного социального явления, понятие которого следует определять как родовое по отношению к юридической (и, соответственно, уголовно-правовой) ответственности. Таковым, по нашему мнению, может считаться понятие социальной ответственности индивида как фактор *внешнего* (по отношению к нему) порядка. Она проявляет себя как негативная реакция *социума* на асоциальное, деструктивное по свойствам, поведение адресата социальной нормы, свидетельствующее об отсутствии у него социальной ответственности как особого («личного», «персонального») качества. В этом контексте социальная ответственность самого социума реализуется не только в его нормотворчестве, но и в возложении на лицо определенных обременений, которые субъект вынужден претерпевать в силу *возникшей* обязанности.

С философской точки зрения негативное отношение индивида к установлениям социальной нормы свидетельствует об их отрицании, наличии *противоречия* между общезначимым и частным (индивидуальным) интересами, достигающем при асоциальном поведении субъекта степени противоположности. В методологическом отношении ее образуют разные явления, когда они связаны через отрицание⁵. Здесь вступают в действие законы единства и борьбы противоположностей, а также отрицание отрицания.

Существует мнение, что «в рамках единого явления – социальной ответственности» действие философского закона единства и борьбы противоположностей «обуславливают» существующие внешние противоречивые характеристики конфликтного и социально-одобряемого поведения индивидов, понимаемые как «формы реализации единой социальной ответственности». При этом «социально одобряемое поведение, – пишут, в частности, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, – существует постольку, поскольку конфликтное поведение запрещено социальной нормой» [4, с. 23]. Думается, что это утверждение и выводы нельзя признать методологически обоснованными по ряду причин.

Действие названного философского закона действительно предполагает наличие некоторого единства с присущими ему общими чертами. Вышеуказанные ученые считают таковыми социальную ответственность как единое, «целостное» явление, в рамках которого «могут существовать» добровольная и принудительная формы ее реализации. Их общность состоит, по мнению авторов концепции, «в их закреплении социальной нормой в единых предпосылках и выражении во вне в поведении субъекта» [4, с. 23]. Ранее нами подчеркивалось, что социальная ответственность не может быть представлена как единство, поскольку ее виды различны по своей природе и разнородны по содержанию, а также по «выраженному вовне поведению субъекта». Единство в философском его понимании действительно представлено в социальной норме как изложенное в ней гармоничное сочетание общественного и частного интересов. При противоречивом его восприятии индивидом, при определенных условиях они становятся противоположностями. Их свидетельством является асоциальное поведение субъекта, в котором фактически проявляется его отрицание *общезначимых интересов*. Исход борьбы противоположных интересов во многом обусловлен ответной общественной реакцией. В методологическом аспекте она есть отрицание отрицания и нацелена на восстановление нарушенного социального баланса.

⁵ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1981. С. 300–301.

Таким образом, социально одобряемое поведение индивида свидетельствует о позитивном его отношении к социальным установлениям и в отсутствии противопоставления собственного интереса общественному. Это не требует вмешательства социума, за исключением случаев вознаграждения лица за социально поощряемое поведение. Однако этот тип общественной реакции не может рассматриваться как возложение на индивида социальной ответственности, поскольку она, понимаемая как его собственное качество, присуща ему изначально. Асоциальное поведение субъекта свидетельствует об отсутствии у него данного качественного состояния и требует ответной реакции социума (возложение мер социальной ответственности). Это обстоятельство подлежит учету при установлении элементов родовидового соотношения рассматриваемого понятийного ряда.

Все изложенное убеждает в том, что понятие «юридическая ответственность» не может рассматриваться в рамках родовидового соотношения, где родовым выступает общее понятие социальной ответственности. Не любое общее понятие может быть представлено как родовое. Применительно к рассматриваемой проблеме родовым по отношению к юридической ответственности следует, по нашему мнению, считать понятие социальной ответственности индивида перед социумом, определяемое как *ответная* его *реакция* на асоциальное поведение субъекта, реализуемая в рамках возникшего конфликтного отношения ответственных сторон. В субъектном плане такая общественная реакция выражается в порицании деструктивного поведения и его автора, является принудительной и негативной.

Уголовно-правовая ответственность традиционно и вполне оправданно рассматривается в доктрине как разновидность (вид) юридической ответственности. В этом соотношении последняя подлежит рассмотрению как родовое понятие. В литературе используется много подходов к трактовке понятия уголовно-правовой ответственности, ее генезису, основаниям наступления (возложения) и видам. Так, В.А. Якушин предлагает выделять позитивную («интроспективную») и ретроспективную, которые, по его мнению, основываются на «своих видах уголовно-правовых отношений». Последние, как полагает автор, составляют «основу» возникновения уголовной ответственности.

Научная позиция о необходимости выделения названных видов юридической (и, соответственно, уголовно-правовой) ответственности была нами подвергнута критическому анализу. Однако следует обратить внимание на другой аспект изложенного выше положения, где ученый пишет о разнообразии «видов уголовно-правовых отношений», вызывающих уголовную ответственность [См.: 14, с. 17, 10]. Это суждение заслуживает интереса в ином контексте: в процессе *реализации* уголовной ответственности действительно могут возникать новые уголовно-правовые отношения, связанные с применением мер уголовно-правового поощрения или, наоборот, мер уголовно-правового принуждения при уклонении осужденного от наказания. В этом случае уголовная ответственность, предусмотренная обвинительным приговором суда, может подвергаться корректировке, а ее содержание – изменению. Существует проблема установления их правовой природы, поэтому отождествление понятий «уголовная» и «уголовно-правовая» ответственность не всегда допустимо.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Литература

1. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 559 с.
2. Коромыслов В.В. Подход к пониманию ответственности с позиции конкретно-всеобщей теории развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 433–444. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-433-444>.
3. Куксин И.Н. Ответственность: социальное и юридические содержание // Вестник Московского государственного педагогического ун-та. Серия Юридические науки. 2015. № 3. С. 52–62.
4. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Юридический центр Пресс. 2007. 950 с.
5. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. 409 с.
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундукова, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 864 с.
7. Бабий Н.А. Учение об уголовной ответственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 680 с.
8. Разумовская Е.М., Цаликова В.В. Роль государства в формировании социальной ответственности хозяйствующих субъектов // Mod. Econ. Success. 2023. № 6. С. 241–246.
9. Gawu P.S., Inusah H. Corporate social responsibility: An old wine in a new gourd // J. Philos. Cult. 2019. V. 7, No 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.5897/JPC2018.0022>.
10. Yang C., Wang Y., Wang Y., Zhang X., Liu Y., Chen H. The effect of sense of community responsibility on residents' altruistic behavior: Evidence from the dictator game // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2020. V. 17, No 2. Art. 460. <https://doi.org/10.3390/ijerph17020460>.
11. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность /А.Ф. Плахотный. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1972. 158 с.
12. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
13. Солнцев Г.И. Труды по праву. М.: Статут. 2023. 373 с.
14. Якушин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2018. 337 с.

References

1. Kerimov D.A. *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject Matter, Functions, and Problems of the Philosophy of Law)]. Moscow, Avanta+, 2001. 559 p. (In Russian)
2. Koromyslov V.V. Understanding liability from the point of specific and universal development theory. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2021, no. 3, pp. 433–444. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-433-444>. (In Russian)
3. Kuksin I.N. Liability: Social and legal contents. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya Yuridicheskie Nauki*, 2015, no. 3, pp. 52–62. (In Russian)
4. Khachaturov R.L., Lipinskii D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti: monografiya* [General Theory of Legal Liability]. St. Petersburg, Yurid. Tsentr Press, 2007. 950 p. (In Russian)
5. Lipinskii D.A. *Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti* [Problems of Legal Liability]. Khachaturov R.L. (Ed.). St. Petersburg, Yurid. Tsentr Press, 2004. 409 p. (In Russian)
6. Sundurov F.R., Tarhanov I.A. (Eds.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' uchebnik* [Criminal Law of Russia. General Part: A Textbook]. Moscow, Statut, 2016. 864 p. (In Russian)
7. Babii N.A. *Uchenie ob ugolovnoi otvetstvennosti: monografiya* [The Doctrine of Criminal Liability: A Monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2022. 680 p. (In Russian)
8. Razumovskaya E.M., Tsalikova V.V. The role of the state in the formation of social responsibility of economic entities. *Modern Economy Success*, 2023, no. 6, pp. 241–246. (In Russian)
9. Gawu P.S., Inusah H. Corporate social responsibility: An old wine in a new gourd. *Journal of Philosophy and Culture*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 1–6. <https://doi.org/10.5897/JPC2018.0022>.

10. Yang C., Wang Y., Wang Y., Zhang X., Liu Y., Chen H. The effect of sense of community responsibility on residents' altruistic behavior: Evidence from the dictator game. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, no. 2, art. 460. <https://doi.org/10.3390/ijerph17020460>.
11. Plakhotnyi A.F. *Svoboda i otvetstvennost'* [Freedom and Liability]. Kharkiv, Izd. Khar'k. Gos. Univ., 1972. 158 p. (In Russian)
12. П'ин И.А. *Put'k ochevidnosti* [The Way to Obviousness]. Moscow, Respublika, 1993. 431 p. (In Russian)
13. Solntsev G.I. *Trudy po pravu* [Studies in Law]. Moscow, Statut, 2023. 373 p. (In Russian)
14. Yakushin V.A. *Nakazanie i inye mery ugolovno-pravovogo vozdeistviya: monografiya* [Punishment and Other Penal Measures in Criminal Law: A Monograph]. Tolyatti, Izd. VUiT, 2018. 337 p. (In Russian)

Информация об авторах

Ленар Ринатович Сафин, кандидат юридических наук, доцент, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: public.mail@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1862-7552>

Ильдар Абдулхакович Тарханов, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: itarhanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-6874>

Author Information

Lenar R. Safin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Rector of Kazan Federal University

E-mail: public.mail@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1862-7552>

Ildar A. Tarhanov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Academic Supervisor, Faculty of Law, Kazan Federal University

E-mail: itarhanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-6874>

Поступила в редакцию 14.04.2025

Поступила после рецензирования 15.07.2025

Принята к публикации 21.07.2025

Received April 14, 2025

Revised July 15, 2025

Accepted July 21, 2025